

# Без Калуги и Канзаса театр был бы неполным

**В российской и американской провинции можно спастись от культуры вседозволенности**

Виталий ВУЛЬФ

Только-только до меня дотянулся слух, что недавно кто-то из известных критиков в Москве предлагал закрыть провинциальные театры, убеждал, что их надо заменить частными антрепризами, короче, доказывал, что они не нужны. Что-то было принимающее в самой постановке вопроса, обычно о своем превосходстве кричат бывшие провинциалы, очень неуверенные в себе. Нужно ли еще раз напоминать, что без театра нельзя себе представить жизнь ни одного российского города.

Помню, после войны Илья Эренбург писал, как его поразила молодая преподавательница русской литературы, рассказывавшая ему, что иногда ей удается съездить на выходные за 30 километров в Пензу — там ведь театр...

Сегодня, спустя пятьдесят лет, в России увлекаются рок-музыкой и «суперзвездами». Алла Пугачева, талантливейшая русская эстрадная певица, стала символом нации, а, выбирая советника по культуре, московская мэрия остановилась на зонком по разным причинам имени Иосифа Кобзона.

В моде мистика и астрология, фотографии обнаженных девиц стали привычными снимками в газетах, проститутки толпами осаждают Тверскую в столице России. Полуpornoграфическая литература распространяется со скоростью полета пули. Культ вседозволенности и потребления процветает во всю. Пришел «новый образ жизни», в котором слились всеядно экстаз по поводу него и его голое отрицание. Какое место в этом «новом образе жизни» занимает театр?

В Калугу меня привело любопытство: областной драматический театр поставил пьесу Уильяма «Молочный фургон не останавливается больше здесь», которую я перевел несколько лет тому назад. Долго-долго его репетировали во МХАТе имени Чехова, и теперь она изредка идет на Новой сцене театра (что означало Малая сцена) с Татьяной Лавровой и Ниной Гулевой в главных ролях. По этой пьесе в 60-е годы был снят фильм под названием «Бум» с Элизабет Тейлор и Ричардом Бартоном, но успеха он не имел. Голливуд почти никогда не справлялся с тонкой лирической трагедийностью уильямсовских пьес. И вот в Калуге режиссер Александр Баранников решил поставить сложнейшую драму американского драматурга ко дню бенефиса актрисы калужского театра Любови Андреевны Кремневой, отмечавшей сорок лет своей сценической деятельности. Кремнева играет миллионершу миссис Гофорт. С первой минуты ее появления стало очевидно, что на сцене — актриса острая, резкая, умная, точно знающая, во имя чего она играет трагедию женщины, цепляющейся за жизнь и сознательной, что время ее истекает.

Миссис Гофорт живет в нечеловеческом напряжении, потому и диктует свои никому не нужные мемуары. Встреча с молодым битником, поэтом Кристофером Фландерсом, которого все называют ангелом смерти, составляет философские зарисовки. Молодого человека играет Константин Денисов, одаренный актер, не совсем подходящий к роли, но сумевший принести в нее мистические мотивы. Игра, разгравляемая на наших глазах, бу-

дит воображение, в зале абсолютная тишина, возникает ощущение, что ты не в Калуге, а где-то на фестивале на Западе смотришь спектакль, созданный первоклассными мастерами.

Наверное, жизнь калужского театра, в котором уже несколько лет нет главного режиссера, полна решаемых и нерешенных противоречий. Проблемы провинциальных театров достаточно схожи: мало молодежи в труппе, нет объективности во внутритеатральных оценках, мало сильной режиссуры, нет художественного руководителя, встречи с профессиональными критиками редки.

Давно известно, что работа в провинции не может принести шумной славы. Актёры могут познать успех, стать «любимцами публики», быть почитаемыми в своем городе, но жизнь ведут нелегкую, и, в сущности, мало кто заботится об их судьбе. Бывают исключения. Последнюю скандальную «Золотую маску», породившую столько слухов и сплетен из-за редкой бездарности ритула ее вручения, получил Омский драматический театр. Театр, руководимый режиссером Владимиром Петровым, увез четыре премии. Сегодня Петров собирается в «Современнике» ставить Пиранделло. Провинция полна талантливыми людьми, жаль, что знаем мы их очень мало.

Конечно, театр ныне в меньшем фаворе, чем прежде. В моде «звезды» массовых коммуникаций. Жизнь повсюду коммерциализируется, люди уходят в эгоизм. Общество живет в атмосфере сенсаций и преувеличений, скандалы занимают отдельную рубрику в прессе. Торжествует эстетика роскошной развлечения. Однако коммерческое пространство не может восполнить недостатка в настоящем искусстве. Именно в наступившую эпоху оказалось, что театр очень нужен людям и не утратил своего обаяния, своей уникальности. Массовое восприятие все равно тяготеет к «единичному», хотя «единичное» и мелькает по качеству.

Этот процесс происходит во всем мире. И в США рок-музыканты превратились в акцентричных и эпатажных персонажей. Бродвей наводнен мюзиклами, здесь их умеют ставить, а спектакли драматического театра с их психологической правдой редки, но вызывают огромный интерес. Ведь не случайно американскую премию «Драма деск» получил московский «Современник», а самым знаменитым спектаклем Бродвея весной этого года стала ибсеновская «Нора» с английской актрисой в главной роли.

Искусство театра по-прежнему пополняет душевное пространство. Мне довелось недавно принимать участие в США в театральном фестивале, посвященном Уильяму Инджу, американскому драматургу, покончившему с собой в 1969 году. По его пьесе «Автобусная остановка» когда-то был снят знаменитый фильм с Мэрилин Монро. Фестиваль ежегодный, и проходит он в маленьком провинциальном городке Индепенденс (штат Канзас). Тихий, чистый городок, на улицах ни души, короли на полях и много машин.

Смысл фестиваля — награждение кого-нибудь из выдающихся драматургов и встречи театральных людей друг с другом. В этом году все клубилось вокруг Нила Саймона, самого прославленного американского автора бесчисленных комедий, на Бродвее даже есть театр име-

ни Нила Саймона. В Москве идут его пьесы: в Театре-студии Олега Табакова — «Билоски-блюз», в Театре сатиры — «Босиком по парку», в Малом зале Театра Вахтангова — «Веселые парни». Имя Инджа — лишь повод для проведения фестиваля. Индж родился в этом городе, здесь он учился, здесь и похоронен. Из Москвы в Индепенденс приехали два актера: Светлана Брагарник и Владимир Самойлов, совсем недавно игравшие у себя в Театре имени Гоголя пьесу Инджа «Бернис, запятая Шеба». Честь открытия фестиваля была предложена русским. Мы обрадовались, но оказалось, что играть надо там, когда зал был наполовину пуст. Все съезжались к вечеру, когда должны были играть пьесу Нила Саймона «Нора» в отеле «Глаза». Но слух о талантливых русских разлетелся очень быстро, и на следующий день вопреки всем фестивальным правилам Светлана Брагарник и Владимир Самойлов еще раз вышли на сцену играть свою «Малютку Шебу». Зал был забит, актеры стали героями фестива-

л. Джордж Сигал, знаменитый американский актер, игравший Никку в фильме «Кто боится Вирджинии Вулф?», потом долго расспрашивал о театральной Москве. Нил Саймон, холерный, умный, избалованный человек, загорелся идеей посетить Москву, и чувство гордости переполняло нас, когда мы видели, как принимает чопорный фестиваль зал русских актеров.

Там, в далеком Индепенденсе, в консервативном Канзасе, куда на несколько дней раз в году съезжались американские театральные знаменитости, думалось о России, о том, в чем мы сильные и почему не умеем ценить сами себя.

А в Москве кончается театральный сезон. Марк Захаров выпустил «Варвар и еретик» по роману Достоевского «Игрок» с блистательно играющими Абдуловым и Инной Чуриковой в роли бабulenки. Вокруг спектакля споры, несогласия критиков — и толпы, осаждающие театр в поисках лишнего билета, спекулянт продает их с рук за полмиллиона.

Слег Табаков поставил и сыграл «Сублимацию любви» Альдо Бенедетти. Татьяна Доронинова во МХАТе имени Горького обратилась к «Даме-невидимке» Кальдерона. Молодежный театр играет «Зеленую птичку» Карло Гоцци...

Театры стремятся к самоутверждению и оригинальности. Пока пишут и говорят о «кризисе театра», он живет и трудится, и приковывает внимание к себе экстравагантными причудами, умением приспосабливаться, полными заново открывать прочитанное. Мода вульгарна, и это отражается на тех, кто отдаст себя на откуп «массовой культуре» в ее рыночном варианте. Все заметно в лицах, в повадке, в манере разговора. Те, кто занят искусством, стараются сберечь себя. В Калуге это труднее, чем в Москве. И когда мы уезжали из города, то думалось, что все эти пригорки, перелески, озерки, создающие скромную, красивую, единственную в своей непопулярности русскую природу, наверное, и творят посреди цветущих ругань и стыдливости нашей жизни человеческие ценности — все то, что начинаешь понимать и ценить в недостатке и в отлучении, когда сознаешь, что от слити воображения театр способен превращать заурядную жизнь в космос.

Упрямство. - 1984 - 5 июня - с. 6.